

УДК 316.347(=411.16)

ББК 60.524.56

Ш 31

М.М. Шахбанова,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала, тел.: +79887908151, e-mail: madina2405@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ: ИНДИКАТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА¹

(Рецензирована)

Аннотация: Происходящие в современном российском обществе преобразования затронули все социальные сферы, следовательно, и этноконфессиональную, внутри которой происходят очень сложные и довольно противоречивые процессы. Поэтому установление места религиозной идентичности в иерархии типов социальной идентичности является актуальной проблемой, ибо от ее выраженности и востребованности массовым сознанием зависит межрелигиозный климат и стабильность, особенно в полирелигиозной и полиэтнической среде. Проведенное исследование показывает, что религия является одним из ключевых компонентов воспроизводства этнической идентичности горских евреев, наряду с другими идентификаторами (национальный язык, национальные традиции и обычаи, историческая территория, память и историческое прошлое), причем она доминирует в иерархии этнопризнаков. Изучение религиозной идентичности и религиозного поведения горских евреев показало, что в структуре социальной идентичности религиозная идентичность является доминантной. Более того, респонденты придерживаются позиции, что именно иудаизм выполняет ключевую роль в сохранении их этнического единства и целостности. Далее, эмпирические данные констатируют наличие у подавляющей части опрошенных горских евреев чувства общности именно с представителями своего народа и единоверцами, при этом этноконфессиональная идентичность является центральным в формировании их поведенческих и мировоззренческих установок.

Эмпирические данные констатируют, что горские евреи обозначают единство как с представителями своей этнической общности, так и с единоверцами, что является основанием для вывода о значимости для них как национального, так и религиозного фактора, более того, данный факт является базой формирования этноконфессиональной идентичности. Вместе с тем, социологическое исследование выявило существование в социально-демографическом разрезе различий в определении места и роли иудаизма в установках опрошенных горских евреев. Кроме того, результаты исследования позволяют утверждать, что религиозные предписания, в частности молитва, соблюдение поста, чтение религиозных текстов, посещение синагоги и т.д., являются проявлением этноконфессионального единства, они способствуют консолидации этнической группы, и в данном процессе одну из важнейших функций выполняет именно религиозность.

Ключевые слова: горские евреи, типы социальной идентичности, иудаизм, индикаторы идентичности, национальные традиции, историческая память, мировоззрение, религиозная идентичность, религиозные установки, религиозность, религиозная принадлежность.

¹ Статья выполнена в рамках проекта РФФИ 18-011-00367 «Этническая и религиозная идентичности горских евреев Северного Кавказа: состояние и тенденции».

M.M. Shakhbanova,

Doctor of Sociology, Leading Researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, ph.: +79887908151, email: madina2405@mail.ru

RELIGIOUS IDENTITY OF MOUNTAIN JEWS: INDICATORS OF REPRODUCTION

Abstract: The changes taking place in contemporary Russian society have affected all social spheres, including the ethnoreligious, within which very complex and contradictory processes are taking place. Therefore, establishing the place of religious identity in the hierarchy of types of social identity is a pressing problem, because interreligious climate and stability, especially in a multireligious and multiethnic environment, depend on its expression and demand for mass consciousness. The study shows that “religion” is one of the key components of the reproduction of the ethnic identity of the mountain Jews, along with other identifiers (national language, national traditions and customs, historical territory, memory and historical past), with it dominating in the hierarchy of ethnic indicators. The study of religious identity and religious behavior of mountain Jews has shown that in the structure of social identity, religious identity is dominant. Moreover, respondents held the position that Judaism played a key role in preserving their ethnic unity and integrity. Further, empirical evidence indicates that the vast majority of the surveyed mountain Jews have a sense of community with representatives of their people and common believers, while ethnoreligious identity is central in the formation of their behavioral and worldview attitudes.

Empirical evidence states that the mountain Jews denote unity with both members of their ethnic community and with common believers, which is the basis for concluding the importance for them of both national and religious factors, moreover, this fact is the basis for the formation of ethnoreligious identity. At the same time, a sociological study revealed the existence in the socio-demographic perspective of differences in the definition of the place and role of Judaism in the attitudes of the mountain Jews surveyed. In addition, the results of the study suggest that religious regulations, in particular prayer, fasting, reading of religious texts, visiting a synagogue, etc., are a manifestation of ethnoreligious unity, which contribute to the consolidation of an ethnic group and, in this process, religious consciousness implements one of the most important functions.

Keywords: mountain Jews, types of social identity, Judaism, indicators of identity, national traditions, historical memory, worldview, religious identity, religious attitudes, religious affiliation.

В настоящее время одной из главных задач социологии религии считают использование существующих количественных социологических подходов при исследовании отражения индивидуальной религиозности на практики и ценности, одновременно подчеркивая, что изучение данного процесса не позволило получить ответ на очень важный вопрос: «В чем же заключается это влияние?».

Проведенные исследования большей частью констатируют, что

религиозность практически не влияет, а если и влияет, то очень мало, на ценности и поведение человека за пределами религиозных рамок. Одно из пояснений данного явления дается в русле теории секуляризации, которая считает, что наблюдается дифференциация разных социальных сфер, в том числе и религии, ибо, во-первых, она формирует самостоятельную сферу и не влияет на другие сферы, во-вторых, совершается «приватизация религии», т.е. она уходит из общественной

жизни в сферу частной жизни. Также в науке встречается объяснение, суть которого заключается в том, что, несмотря на продолжающееся существенное воздействие религии, группа «действительно религиозных»/«воцерковленных» людей столь мала, что это влияние невозможно зафиксировать в рамках массовых опросов» [1; 73].

В современный период данная проблематика стала одной из важнейших в силу объективных и субъективных факторов, поэтому нашла отражение в статье М. Чавеса, которая рассматривает согласованность феномена религиозности: «суть этих представлений в следующем: во-первых, ошибочное представление о том, что религиозные верования и ценности индивида представляют собой логичную, последовательную систему, во-вторых, что поведение людей напрямую следует из этих верований и ценностей, и, в-третьих – что эти верования и ценности стабильны во времени и не зависят от ситуации, контекста, в котором они проявляются» [1; 73].

В отечественной науке, на фоне усиления роли религиозного фактора в социальной жизни человека, был проведен ряд масштабных исследований, показывающих состояние происходящих в современном обществе процессов, например, в той же этноконфессиональной сфере. Вместе с тем можно согласиться с позицией М.П. Мчедлова, что «в отечественном общественном сознании остаются малоизученными степень и характер воздействия религиозного самоопределения на всю гамму иных идентичностей» [2; 357].

Происходящие в современном мире сложные религиозные процессы, противостояние между последователями разных конфессий, войны под знаменами, например, ислама, и т.д. свидетельствуют, во-первых, об использовании религиозного фактора в политических процессах, вернее, эксплуатации конфессионального параметра: «переосмысление роли

религии в современном мире и религиозного фактора в объяснительных схемах мирового общественного развития связано и с отмеченными изменениями в социальной ткани, и с видоизменением религиозного фактора как такового. Политизация религии и конфессионализация политики требуют отхода от традиционных эпистемологических рамок рассмотрения соотношения религии и общества, религии и политики. Во многом сами понятия религии и религиозного фактора приобретают иное референтное звучание, отражающее их новое прочтение и проявление» [3; 15]. Во-вторых, указанные процессы свидетельствуют о возросшей роли религиозной идентичности. Иными словами, религии показывают, что основой для появления новых проблем и их обострения, как правило, является их нерешенность в предыдущие исторические периоды, которые в последующем способствуют появлению новых конфликтов и противоречий, но уже религиозно или национально окрашенных. Это относится и к проблематике, связанной с вероисповеданием и религиозной идентичностью. Поэтому имеющееся использование авторитета религии в целях политического экстремизма, которое характерно не только исламской среде, но и другим религиозным учениям, свидетельствует «о важности правильного методологического подхода при исследовании роли религиозной идентичности в социально-политической жизни» [3; 358], и таким образом определяет взаимоотношение социальных и религиозно-культурных факторов, диалектику их взаимодействия.

Результативность политики духовных лиц, культовых учреждений в основном определяется «новым» пониманием процесса осознания себя последователем конкретного вероисповедания. При этом повышение значимости религиозной самоидентификации индивида, видимо, необходимо рассматривать не

как результат усиления культовой активности человека, а как потребность в существовании постоянной культурно-цивилизационной характеристики в его жизни, впрочем, как и всего социума.

Последнее десятилетие XX столетия ознаменовалось повышением религиозности населения, а это был период очень сложной социально-экономической, политической, духовно-идеологической трансформации российского общества. Видимо, по этой причине ведущие отечественные социологи при объяснении тех или иных процессов очень часто обращаются к феномену «культурной травмы», характеризуя его как «время переживания культурной травмы и формирования новых видов социальной идентичности, пришедших на смену разрушенной идентичности «советского человека», равнодушного к религии, верящего преимущественно в социальные идеалы» [4; 46]. Утрата прежней идентичности, с которой столкнулись люди, можно рассмотреть в русле предложенной П. Штомпкой и Дж. Александером модели культурной травмы: «культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [5; 255-256].

Рассмотрение феномена «религиозная идентичность», формирование которой происходит под действием все более усложняющейся социальной действительности, позволяет констатировать и обратный процесс – отражение конфессионального компонента на сферу социальных отношений и взаимодействий [6]. Это является основанием для утверждения о влиянии процесса социального конструирования на религиозную идентичность. Более того, как один из ключевых

компонентов субъективной реальности [7] формирование религиозной идентичности, а также последующая ее передача, происходит «благодаря присутствию в общественном и частном пространстве религиозных категорий и классификаций, религиозных знаний, религиозных ценностей. Она призвана облегчить человеку ориентацию в сложном социальном пространстве в условиях мировоззренческого и ценностного плюрализма и духовной свободы, обеспечивает достижение самостождественности в ситуации глобальных ценностных изменений и культурной трансформации» [8; 48].

Также следует отметить, что в формировании религиозной идентичности существенную роль играет открытая демонстрация конфессиональной мотивации, обсуждение религиозных основ экстремизма и терроризма. Данные факторы толкают человека к самоидентификации в рамках религиозной сферы, иными словами, происходит осознание индивидом собственной конфессиональной принадлежности, чувства общности с последователями исповедуемого вероучения. Кроме того, можно предположить, что свою лепту в формирование религиозной идентичности человека вносит, например, преподавание предмета «Основы религиозных культур и светской этики». По поводу введения данной дисциплины в учебный процесс в научном сообществе шли бурные дискуссии, особенно много вопросов возникало по поводу ее преподавания, ибо не совсем ясно было, кто будет заниматься обучением – светский преподаватель или же духовное лицо. Также много нареканий вызывало и само содержание учебника, который был рекомендован для использования в учебном процессе.

Религиозной идентичности наравне с другими типами социальной идентичности характерны когнитивные, эмоциональные, поведенческие компоненты, на основе

их совокупности появляется религиозная солидарность. Более того, она обладает динамичностью, множественностью, которая может проявиться в том, что, помимо традиционного для России монотеизма, может включать компоненты языческих верований, суеверий, недифференцированной духовности. Также религиозная идентичность может быть мировоззренческой, культурной, этноконфессиональной, когда та или иная религиозность выступает компонентом культурной традиции или культура подталкивает к религиозной самоидентификации [8; 49].

В рамках данной статьи под религиозной идентичностью будем понимать отнесение человеком себя к определенному вероучению, которое также базируется на самоидентификации с определенной этнокультурой, образом жизни, сформировавшейся под влиянием исповедуемой религии.

В статье поставлена цель – показать выраженность религиозной идентичности горских евреев, ее место в структуре типов социальной идентичности, востребованность в массовом сознании религиозной самоидентификации.

Эмпирическая база исследования. Социологический опрос по изучению религиозной идентичности и специфики религиозного поведения горских евреев проведен в гг. Дербенте, Махачкале, Минводах, Нальчике, Пятигорске, Ессентуках методом «снежного кома». N-425.

Прежде чем перейти к анализу религиозной идентичности горских евреев, следует отметить, что ее важность в социальной жизни объясняется тем, что религия рассматривается как один из индикаторов воспроизводства этнической идентичности. Таким образом, религиозная идентичность является одним из типов социальной идентичности, и проведенные в последние десятилетия исследования констатируют заметное укрепление ее позиций в

массовом сознании. Усилению роли конфессионального компонента в современном российском обществе способствуют самые различные факторы, как объективного, так и субъективного характера.

В рамках исследования религиозной идентичности и религиозного поведения горских евреев важное значение имело установление места религии как одного из идентификаторов воспроизводства этнической идентичности. Ответы, полученные на вопрос «Какие из признаков объединяют Вас с представителями Вашего народа?», показывают доминирование в массовом сознании опрошенных горских евреев этнообъединяющего маркера «религия» (87,3%), причем по гендерному признаку среди мужчин (90,9%) больше отметивших данный признак, по сравнению с женщинами (82,5%). На второй позиции располагается этноопредетель «национальный язык» (80,0%), причем его значимость возрастает с повышением образовательного статуса респондентов: 60,3% со средним, 75,2% средним специальным и 86,8% высшим образованием. Далее, роль «национальных традиций и обычаев» как индикатора подчеркнута 68,9% респондентов, и, по сравнению с другими образовательными подгруппами, он востребован для респондентов, имеющих среднее образование (72,4%), в противоположность подгруппе со средним образованием, доля которых заметно меньше (60,3%). Закономерным является обозначение горскими евреями этноопредетеля «историческое прошлое» (60,5%), ибо сама история еврейского народа довольно трагична. Пятое ранговое место занимает позиция «совместная жизнь на определенной территории», обозначенная 45,4% респондентов; за ней следует «историческая территория моего народа» (40,5%) при относительно меньшей востребованности психоэмоционального компонента – «общность характера, схожесть поведения» (34,4%). При этом

статистически небольшая часть респондентов отметила вариант ответа «ничего не объединяет» (1,2%), что свидетельствует о значимости для горских евреев вышеперечисленных индикаторов определения их этнической принадлежности и самоидентификации.

Установление индикаторов воспроизводства этнической идентичности предполагает выявление места религиозной идентичности в системе социальной идентичности. Эмпирические данные на вопрос «Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории своего проживания?» показывают доминирование в массовом сознании горских евреев позиции «представителем своей религии (иудаизма)» (56,5%) при относительно слабой выраженности этнической идентичности (19,8%), которая с несущественным отрывом пропустила вперед государственно-гражданскую идентификацию («россиянин»). Обращает на себя внимание, что статистически небольшая часть опрошенных горских евреев обозначает осознание себя кавказцем (4,0%), хотя опрос проведен в северокавказском регионе, и, по мнению авторов, данный тип идентичности должен быть актуализированным в их массовом сознании. Таким образом, результаты исследования показывают, что в установках горских евреев очень важное место занимает не только иудаизм как индикатор воспроизводства этнической идентичности, а именно его востребованность определяет значимость религиозной идентичности в иерархии типов социальной идентичности.

При изучении религиозной идентичности для нас ключевой задачей было установление соотношения этнической и религиозной идентичности, психоэмоционального самочувствия горских евреев в процессе самоидентификации и определения значимых для них типов идентичности, а также восприятия представителей разных социальных групп.

Так, ответы на вопрос «С какой из групп Вы испытываете чувство общности в наибольшей степени?» показывают доминирование в массовом сознании горских евреев именно этнической идентичности, которая заметно отодвинула на вторую позицию религиозную идентичность, занимавшую первое ранговое место в структуре социальной идентичности. Результаты опроса демонстрируют, что чувство общности горские евреи ощущают «с представителями своего народа» (67,5%), далее следует уже близость с единоверцами (54,1%). На первый взгляд, возникает ощущение допущения грубой ошибки при анализе полученных эмпирических данных, но следует учесть, что евреи являются последователями национальной религии (иудаизма), следовательно, уже сам этот факт предполагает характерную для них этноконфессиональную идентичность, когда ситуативно может превалировать то этническая, то религиозная идентичность, что и показало наше исследование. Если посмотреть полученные данные по образовательному признаку, то можно констатировать повышение значимости как этнического, так и религиозного факторов в идентификационном процессе с ростом образовательного статуса: с 47,6% со средним образованием до 74,3% с высшим образованием, обозначающих важность национальной принадлежности, и с 41,3% со средним образованием до 61,5% с высшим образованием. Иными словами, можно утверждать, что образовательный статус респондента выполняет одну из ключевых ролей в ходе идентификации человека. Вместе с тем для горских евреев востребована и российская идентичность, осознание общности с россиянами (40,0%). Далее на самоидентификацию с представителями своего поколения указывают 5,2% опрошенных, профессиональная идентичность важна для статистически небольшой части респондентов (3,1%).

Таким образом, полученные результаты исследования являются основанием для вывода о том, что горским евреям характерна некоторая амбивалентность, когда они – в зависимости от ситуации – обозначают важность религиозной самоидентификации, которая является определяющей в их вовлеченности в конфессиональную религиозную жизнь, предполагающей соблюдение предписаний иудаизма, с другой стороны, имеет место и единая этнокультурная и надэтническая принадлежность. Более того, можно утверждать о наличии тесной переплетенности этнической и религиозной идентичности, что подтверждается ответами на вопрос **«Какие из суждений для Вас важнее?»**. Так, в массовом сознании горских евреев превалирует позиция «для меня очень важна моя религиозная принадлежность» (65,9%), на второй позиции с большим отрывом располагается этноконфессиональная самоидентификация «для меня очень важна моя религиозная и национальная принадлежность» (17,2%), при этом значимость этнической принадлежности существенно ослаблена (9,9%). Далее, 7,8% отметили суждение «для меня вообще не важна моя религиозная и национальная принадлежность». Несмотря на полученные довольно противоречивые результаты, не вызывает сомнения, что этноконфессиональная идентичность востребована массовым сознанием горских евреев, более того, она выполняет главнейшую роль в установлении поведенческих и мировоззренческих аспектов в жизнедеятельности индивида.

С целью глубокого анализа выраженности религиозной идентичности и определения ее места в системе социальной идентичности респондентам был задан «контрольный вопрос»: **«В какой степени для Вас важна религиозная принадлежность?»**. Здесь прослеживается последовательность опрошенных – 79,8% респондентов придерживаются

позиции «для меня очень важна моя религиозная принадлежность», при этом 13,4% отметили вариант ответа «для меня не очень важна моя религиозная принадлежность» и для 4,2% «совсем не важна религиозная принадлежность». Среди придерживающихся последнего варианта ответа выделяются опрошенные со средним образованием (6,3%).

Ранее было отмечено, что для горских евреев иудаизм является национальной религией, поэтому их массовому сознанию характерно определение важности своего вероучения, что и проявляется в утверждении 96,7% респондентов, рассматривающих иудаизм как составную часть этнокультуры своей национальной общности. При этом возникает необходимость в определении роли иудаизма в жизни каждого, кто его исповедует. Эмпирические данные показывают, что, по мнению 79,8% респондентов, религия, в данном случае иудаизм, в их личной жизни играет очень важную роль, причем по гендерному признаку выделяются мужчины, доля которых больше (81,4%), по сравнению с женщинами (77,6%). Далее, в жизни 15,1% опрошенных религия играет «не очень важную роль», причем по социально-демографическим параметрам ответы распределились следующим образом: 13,6% мужчин и 16,9% женщин; 15,9% респондентов со средним, 18,1% средним специальным и 13,6% высшим образованием; 26,9% в возрастном разрезе «до 20 лет», 19,7% – «от 20 до 30 лет», 15,5% – «от 30 до 40 лет», 6,3% – «от 40 до 50 лет», 26,0% – «от 50 до 60 лет» и 23,5% – «от 60 лет и выше». Статистически небольшая часть (4,2%) придерживается позиции «никакую», и выделяется здесь подгруппа «от 30 до 40 лет» (15,5%). Таким образом, полученные данные показывают существование различий в установках горских евреев при определении значимости религиозной принадлежности в личной жизни каждого из опрошенных.

Неоднократно подчеркивалось, что иудаизм является национальной религией еврейского народа, который в своей истории столкнулся с проявлением антисемитизма, нетерпимости, гонений, ущемления своих прав, а в отношении горских евреев вообще была реализована «политика татизации», имевшая в основном негативные последствия в их идентификационных процессах. Установление значимости религиозного фактора в жизни современных горских евреев естественно обуславливает необходимость установления роли иудаизма в сохранении их этнического единства и целостности. Ответы, полученные на вопрос **«Согласны ли Вы с суждением, что сохранением себя как народа евреи обязаны иудаизму?»**, показывают, что подавляющая часть горских евреев подчеркивает роль иудаизма в сохранении их как самостоятельного народа (93,6%), при этом 5,2% затруднились выразить свою позицию. Если посмотреть данные по образовательному признаку, то данное суждение разделяют 93,7% со средним, 92,4% средним специальным и 94,2% высшим образованием, и примерно такие же показатели по всем возрастным подгруппам. Полученные эмпирические данные демонстрируют значимость для опрошенных горских евреев своего вероисповедания (иудаизм), что естественно способствует укреплению позиций религиозной идентичности в системе типов социальной идентичности.

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что изучение места религиозной идентичности в структуре социальной идентичности показало ее востребованность и доминирование над другими типами идентификации. В процессе воспроизводства этнической идентичности маркер «религия» выполняет одну из ведущих функций, хотя и другие идентификаторы (национальный язык, национальные традиции и обычаи,

совместная жизнь на определенной территории, историческая территория народа, общность характера, схожесть поведения, историческое прошлое) также востребованы массовым сознанием горских евреев в идентификационных процессах.

На основе полученных социологических данных установлено, что опрошенные горские евреи чувство общности испытывают, во-первых, с последователями своей религии, во-вторых, с представителями своей этнической общности. Более того, для горских евреев существенное значение имеет их конфессиональная принадлежность, и иудаизм в жизни каждого из респондентов выполняет очень важную роль. Также можно констатировать существующие в массовом сознании горских евреев определенные различия, которые были установлены при анализе результатов исследования по социально-демографическим параметрам: респонденты с высшим образованием и мужчины, по сравнению с другими социальными подгруппами, обозначают востребованность религиозного фактора в своей жизни. Кроме того, горские евреи придерживаются позиции, что иудаизм является частью их национальной культуры, более того, именно благодаря ей удалось сохранить единство и целостность горских евреев как этнической общности.

Эмпирические данные показывают, что в основе межнациональной напряженности в основном находятся нерешенность существующих в современном российском обществе социально-экономических, духовно-нравственных, политических и т.д. причин, которые при неблагоприятной ситуации способны выполнить деструктивные функции и дестабилизировать ситуацию. И в данных процессах очень часто религиозный компонент может играть заметную роль, особенно в ситуации ущемления прав носителей иного вероучения.

Проведенное исследование показывает, что ярко выраженная религиозная идентичность, сутью которой является осознание чувства общности и солидарности с единоверцами, очень часто выступает основой сохранения межрелигиозного и межнационального доверия. Религиозные ритуалы (молитва, пост, чтение религиозных текстов, посещение могил и т.д.), осознание группового единства, благодаря которым обеспечивается позитивная интеграция, иными словами, религиозность, в определенной мере способствует солидаризации и социальной консолидации этнической общности, в данном контексте – горских евреев.

Примечания:

1. Пруцкова Е.В. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 72-88.
2. Мchedlova М.М. Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 10–24.
3. Мchedlov М.П. Диалектика взаимодействия социальных и культурно-религиозных идентичностей // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Москва: Институт социологии РАН, 2007. Вып. 6. С. 356-369.
4. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 44–63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.
5. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / пер. с англ. Г.К. Ольховикова; под ред. Д.Ю. Куракина. Москва: Праксис, 2013. 640 с.
6. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7-24.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. 336 с.
8. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 3. С. 44–63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.

References:

1. Prutskova E.V. Religiosity and its consequences in the value-normative sphere // Sociological Journal. 2013. No. 2. P. 72-88.
2. Mchedlova M.M. Modern parameters of the return of religion: perspectives of the problem // Bulletin of the Institute of Sociology. 2012. No. 4. P. 10-24.
3. Mchedlov M.P. Dialectic of the interaction of social and cultural-religious identities // Reforming Russia. A yearbook / ex. ed. by M.K. Gorshkov. Iss. 6. M.: Institute of Sociology of the RAS, 2007. P. 356-369.
4. Ryzhova S.V. Religiosity in the context of the culture of trust // Sociological Journal. 2017. Vol. 23. No. 3. P. 44-63. DOI: 10.19181 / socjour.2017.23.3.5363.
5. Alexander J. Sense of social life: Cultural Sociology / transl. from English by G.K. Olkhovikov; Ed. by D.Yu. Kurakin. M.: Praxis Publishing house and Consulting Group, 2013. 640 pp.
7. Berger P., Luckmann Th. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. M.: Medium, 1995. 336 pp.
8. Ryzhova S.V. Religiosity in the context of the culture of trust // Sociological Journal. 2017. Vol. 23. No. 3. P. 44-63. DOI: 10.19181 / socjour.2017.23.3.5363.